
3

От Петра I до Павла I

3.1

Изменения государственного герба в Петровскую эпоху

При Петре I эмблематика государственных печатей отличается большим разнообразием, пожалуй, как у никакого другого российского монарха. Конечно, это связано с кардинальными изменениями, произошедшими в стране, в том числе и в сфере государственной идеологии. Из печатей начала правления Петра привлекает внимание рисунок печати из «Дневника» Иоганна Корба, относящийся к 1699 г.¹⁵⁵ Он интересен тем, что как бы возвращает к традициям печати 1577 г. Здесь эмблема ездоца названа «московской», а шесть эмблем, соответствующих первым названиям объектного титула, расположены на крыльях орла. Их порядок вполне традиционен – справа налево (естественно, по отношению к орлу) и сверху вниз: Киев, Владимир, Новгород, Казань, Астрахань и Сибирь. По окружности 26 эмблем соответствовали титулу в том же порядке. Однако ни одного экземпляра этой печати в распоряжении исследователей не имеется.

Среди наиболее важных изменений петровского времени следует отметить прежде всего постепенную трансформацию семантики ездоца от символа царя к образу Георгия Победоносца. В 1711 г. дипломат князь Б.И. Куракин уже трактовал всадника как образ Святого Георгия¹⁵⁶. То же самое отметил и Петр Великий при описании своего штандарта и русских морских флагов в 1710-х годах¹⁵⁷. С 1718 г. на монетах под копытами коня начинает чеканиться змий и такое изображение становится постоянным с 1727 г.¹⁵⁸ Товарищ герольдмейстера, по сути основатель ге-

ральдики в России, граф Франциск Санти в 1722 г. составил новое описание государственной печати¹⁵⁹. Согласно описанию черный двуглавый орел помещался в золотом поле, а на его груди находился московский герб, окруженный цепью ордена Андрея Первозванного. Московским гербом признавалось изображение Святого Георгия, поражающего копьём черного змия, в красном поле. Такую расцветку закрепил при Екатерине I указ о государственной печати от 11 марта 1726 г.: «Орел черный с распростертыми крыльями, в желтом поле, в нем ездец в красном поле»¹⁶⁰. И хотя в нем Георгий Победоносец еще именуется ездецом, в феврале 1730 г. при утверждении 88 земельных гербов для полковых знамен всадника вновь признали Георгием Победоносцем¹⁶¹. Так ездец завершил свою эволюцию, с этого времени он стал изображением Святого Георгия и был признан московским гербом¹⁶². Устоялась и цветовая гамма: конь белый, змий черный, поле щита красное (спанча и конье в описании 1730 г. названы желтыми). Движение Георгия оставалось традиционным – в правую от смотрящего сторону.

Таким образом, символизация государя в гербе постепенно нивелируется. С одной стороны, образ царя персонифицируется на монетах: на их аверсе при Петре I на рубеже XVII–XVIII вв. появляется царский профиль¹⁶³. С другой – Георгий как покровитель воинства становится особенно близок Петру и его преемникам, соединяясь в гербе с цепью ордена Андрея Первозванного, признанного в качестве небесного покровителя России.

Култ Андрея Первозванного приобрел при Петре особую значимость не только потому, что этот святой был первым апостолом Христа, к тому же, по легенде, побывавшим на территории будущей Руси. Он также считался покровителем мореплавания (Андрей первоначально был рыбаком), и Андреевский крест появился на флагах военных кораблей российского флота. В гербе же появилась цепь ордена, учрежденного царем в конце XVII в., – первого российского ордена, ставшего впоследствии высшим орденом империи. Она охватывала или все изображение герба, или

только центральный щиток с московским гербом¹⁶⁴. Вторым вариантом в дальнейшем закрепился. Иногда, впрочем, на петровских походных печатях крест Андреевский крест даже заменял эмблему всадника¹⁶⁵. Известны и малые печати Петра с изображением на груди орла Богоматери и даже Распятия, окруженного сиянием¹⁶⁶. Царь пытался использовать различные символы, и «неустойчивость» государственной эмблематики его времени свидетельствует о сложном процессе поисков новой символики.

Трансформировалась и цветовая гамма государственного герба. Судя по всему, по крайней мере в конце XVII в. двуглавый орел считался золотым в красном поле¹⁶⁷, при Петре I орел стал черным в золотом поле¹⁶⁸. Это, бесспорно, влияние цветов герба Священной Римской империи¹⁶⁹. Ими демонстрировались имперские претензии Петра в отличие от прежних цветов, отсылавших к эпохе Московского царства и православной Византии. В цветовом решении герба «византизм» уступал место имперским устремлениям, обращенным к Европе, и через них, возможно, даже апеллировал к античному наследию.

Аналогия с орлом империи Габсбургов проявлялась и в самой стилистике эмблемы: в поднятых крыльях орла стали более заметны фады, а на печати 1712 г. работы Беккера орел приобрел и вычурный, фигурный хвост (см. ил. 10). Печать Беккера стала своего рода образцом и для Большой государственной печати, созданной во второй половине 1730-х годов швейцарским гравером Иоганном Карлом Гёдлигером (1691–1771)¹⁷⁰. Здесь вверх подняты уже не только крылья орла, но и головы. Цепь ордена Андрея Первозванного охватывает щиток с московским гербом, а вокруг орла расположены еще шесть щитков с основными земельными гербами, соответствующими начальным объектам императорского титула: киевским, владимирским, новгородским, казанским, астраханским и сибирским (см. ил. 11). Они опять-таки расположены в традиции XVI–XVII вв.: справа налево и сверху вниз. Три герба древнерусских земель – столиц Руси (Киев, Владимир, Новгород) – обрели первенство по отношению к татарским

царствам, что эмблематически точно отражало начало объектного титула. Для идеологического «оправдания» российского царства, а тем более империи, обладание тремя царствами утратило былую актуальность¹⁷¹.

Этот процесс сопровождался и трансформацией внешнего вида корон над головами орла. В связи с политическими изменениями при Петре I изменилась и их форма. Они приобрели вид императорских, причем произошло это еще до официального провозглашения России империей в 1721 г.¹⁷² На печати Гёдлингера три императорские короны, расположенные так: две маленькие на головах орла и одна большая над всей композицией, были как бы объединены лентой (ордена Святого Андрея Первозванного), концы которой выходили из-под центральной короны¹⁷³.

Государственная печать работы И. Гёдлингера служила в этом качестве вплоть до конца царствования Николая I, т. е. на протяжении примерно 120 лет¹⁷⁴. С каждым новым царствованием менялась лишь легенда, кроме того, при Павле I добавились новые геральдические элементы (впоследствии отмененные). Однако изображения государственного герба в конце XVIII – первой половине XIX в. продолжали изменяться.

3.2

Государственная геральдика
в царствование Павла I
и Большой герб Российской империи 1800 г.

Религиозно-мистический смысл государственного герба вновь особенно актуализируется при Павле I. 10 августа 1799 г. появился новый вариант герба¹⁷⁵ (см. ил. 12). Щит с московским гербом на груди орла положен на Мальтийский крест – эмблему Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Символически четыре направления креста толковались как четыре христианские добродетели (благоразумие, справедливость, сила духа и воздержание), а восемь концов – как добрые качества христианина (вера,

добродетель, рассудительность, воздержание, терпение, благочестие, братолюбие, любовь – 2 Пет., 1, 5–7)¹⁷⁶, белый цвет символизировал целомудрие и безупречность рыцарской чести на поле брани¹⁷⁷. Павел I, как известно, взял Орден под свое покровительство и был избран его Великим магистром¹⁷⁸. Над щитком с Георгием Победоносцем расположена Мальтийская орденская корона, увенчивающая крест: подобная корона действительно была изготовлена для императора.

Можно полагать, что таким образом в гербе было обозначено личное магистерское достоинство императора Павла, тем более, что для того времени (практически до середины 1850-х годов) понятия герба государства и герба монарха не были разделены¹⁷⁹. Однако такому пониманию препятствует Большой государственный герб империи 1800 г. Здесь в центре геральдического щита помещен щиток с гербом 1799 г., а сам щит положен на Мальтийский крест. Титулование Великим магистром Державного ордена (подобно другим титульным объектам) отражено и в последней части большого щита: серебряный прямой крест в красном поле, помещенный здесь, служил гербом Ордена. Таким образом, именно в этих эмблемах Большого герба воплотился личный магистерский статус императора, что соответствует и правилам орденской геральдики¹⁸⁰, и тексту манифеста о Большом гербе: «Восприяв Титул Великого Магистра Державного Ордена... соединили Мы и Крест Ордена сего с Гербом Нашим». Все это показывает, что орденская символика в гербе 1799 г. имела несколько иной, нежели просто лично-статусный, характер.

И действительно, в этом гербе государственные эмблемы Российской империи соединились с символикой Мальтийского ордена. Два христианских символа – Георгий Победоносец и Мальтийский крест – оказались наложенными один на другой и сами, в свою очередь, разместились на груди двуглавого орла. Тем самым в гербе демонстрировалось не только обретение российским императором статуса главы духовно-рыцарского ордена¹⁸¹, но и воплощалась идея об особой, мыслящейся во вселенском

масштабе, религиозной миссии государя, призванного защищать христианскую веру [причем не только православную, но и католическую (от безбожников-якобинцев)]¹⁸² и тем самым объединить обе части христианского мира во всей полноте единого духовного универсума.

Московский герб держался на ленте ордена Андрея Первозванного, а короны объединялись лентой красного цвета – ордена Святого Александра Невского или, что еще более вероятно, ордена Святой Анны – династического ордена Гольштейн-Готторпской династии, основанного в память бабки императора его дедом и введенного Павлом в число российских императорских орденов.

Еще более показателен Большой государственный герб, утвержденный 16 декабря 1800 г.¹⁸³ (см. ил. 13). Однако, вероятно из-за гибели Павла, соответствующий манифест так и не был издан, и герб, по сути, остался проектом¹⁸⁴. Это первое изображение российского государственного герба, созданное полностью в рамках европейских геральдических традиций. Композиционно оно обнаруживает бесспорную аналогию с прусским королевским гербом (см. ил. 14), что неудивительно, учитывая ориентированность существенных сторон тогдашней государственной жизни, таких, например, как армия, на прусские образцы¹⁸⁵, что было обусловлено во многом личными пристрастиями самого императора.

Все территориальные эмблемы сгруппированы в рамках одного щита. 34 части щита служат своеобразным фоном для центрального щитка с государственным орлом (по сути с гербом 1799 г.) и еще восьми щитков (в прусском гербе число частей гербового щита было больше 50). По периметру от центрального щитка расположены семь щитков с гербами наиболее значимых земель, первых в титуле: Киевским, Владимирским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Сибирским и Херсониса Таврического.

Герб Херсониса Таврического появился после присоединения Крыма¹⁸⁶. В императорском титуле Херсонис Таврический был назван царством, и тем самым декларировались преемственность России от Византийской империи

и права на ее бывшие земли (Крым). Идея византийского наследства приобрела особую значимость при Екатерине II (вспомним ее «константинопольский проект» воссоздания Византийской империи под скипетром второго внука Константина) и была «унаследована» Павлом. И даже само название «Херсонис Таврический» давалось в нарочито грецизированной форме. Герб царства Херсониса Таврического, конечно же, был знаковым: тот же двуглавый орел, считавшийся византийским заимствованием (пришедшим в Россию, как полагали, еще во времена Владимира Святого в результате его женитьбы на византийской принцессе Анне¹⁸⁷) и воплощавший таким образом историческую преемственность (впоследствии такая семантика данного орла была усилена: его крылья опустились по византийскому образцу¹⁸⁸); на его груди православный восьмиконечный крест, символизировавший уже и преемственность духовную, православную, ибо креститель Руси Владимир принял крещение именно в Херсонесе. Такая трактовка была официально закреплена в описании герба Таврической области, утвержденного 8 марта 1784 г.: «В золотом поле двухглавый орел, на груди оного в голубом поле золотой осьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло; крест же поставлен в государственном гербе для того, что и оный прислан от Греческих Императоров в Россию, тогда, когда восприято Великими Князьями крещение»¹⁸⁹.

В расположении главных земельных эмблем соблюдался традиционный порядок, восходивший к Большой печати Ивана Грозного: справа налево и сверху вниз, но главное место, над центральным щитком, принадлежало родовому гербу императора – династическому гербу герцогства Гольштейнского. Павел нарочито демонстрировал свою родовую принадлежность и преемственность, а потому включил свой родовой герб в государственный и поставил его в наиболее почетное положение, сразу вслед за государственным орлом. Далее в 34-х частях большого щита изображены гербы всех территорий, перечисленных в объектном титуле императора, начиная с Псковского (правый верхний)

и завершая Еверским (немецкое княжество, находившееся во владении Анхальт-Цербстской династии, унаследованное Екатериной II в 1793 г. и позднее, в 1818 г., переданное великим герцогам Ольденбургским) и гербом Державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского¹⁹⁰.

Существенно, однако, внешнее окружение щита. Большой щит покоится на Мальтийском кресте, над ним расположен рыцарский шлем анфас с наметом, и все это изображение увенчивает императорская корона, поддерживаемая справа архистратигом Михаилом и слева архангелом Гавриилом. Мальтийский крест и рыцарский шлем вновь отсылают нас к идее военно-духовного ордена, к пониманию власти государя не просто как блюстителя, но и как защитника веры. Крест за щитом (равно как и последняя часть щита с гербом Державного ордена) указывал на магистерское достоинство Павла I.

Фигуры архангелов, выступающих в качестве геральдических щитодержателей, также подчеркнута символически. В прусском гербе щитодержателями являются два лесных дикаря со штандартами в руках. Критик Большого государственного герба середины XIX в. П.И. Белавенец отмечал, что использование ангелов как щитодержателей в государственной геральдике, кроме России, не известно¹⁹¹. На самом деле ангелы поддерживают щит герба не только французского королевского дома (хотя они и одеты в геральдические супервесты), но и щит княжества Шаумбург-Липпе; как щитодержатель ангел присутствовал и в государственном гербе Австро-Венгрии. Но, разумеется, в России в фигуры архангелов вкладывался особый смысл. Архистратиг Михаил, предводитель небесного воинства, стоит справа от щита и в одной руке держит пламенеющий меч. Архангел Гавриил, благовеститель, – слева и держит лилейную ветвь. Сочетание этих фигур было широко распространено в русской культуре¹⁹². Культ же архангела Михаила особо поддерживался Павлом¹⁹³. В Средние века архистратиг Михаил считался «родоначальником рыцарства, бранный подвиг которого был первой из когда-нибудь явленных воинских и рыцарских доблестей»¹⁹⁴. Как госу-

дарь и воин, император считал его своим небесным покровителем. День архангела Михаила 8 ноября стал праздником для всех «ветвей» орденов Российских. В Петербурге на месте Летнего дворца, где родился Павел, был построен Михайловский замок с церковью во имя архангела Михаила, где и должны были происходить торжественные орденские церемонии. Своего младшего сына, родившегося в 1798 г., император назвал Михаилом¹⁹⁵. Оба архангела символизировали духовный смысл российской монархии, подчеркивали религиозную миссию России и как бы охраняли государственный герб, т. е. были духовными защитниками державы. Существенно, что именно Павел ввел в государственное законодательство представление о российском императоре как «верховном защитнике и хранителе догматов веры, блюстителе правоты и всякого в Церкви святой благочиния» и в этом смысле как о «Главе Церкви» (Акт о наследии престола 5 апреля 1797 г.)¹⁹⁶. Сочетание же архистратига Михаила и архангела Гавриила в государственном гербе воплощало не просто духовную, а военно-религиозную (причем с военно-рыцарским оттенком) суть власти государя так, как ее понимал сам Павел.

Под щитом изображена цепь ордена Андрея Первозванного, а за щитом возвышаются два штандарта. На одном изображен российский императорский герб (1799 г.), на другом – военно-христианская символика: одноглавый орел со скипетром и громовыми стрелами (перунами) в лапах¹⁹⁷, устремленный к кресту в солнечных лучах. В манифесте о гербе он назван символом неустрашимости¹⁹⁸. Орел обращен к солнцу¹⁹⁹, к свету и одновременно ко Христу. Подобное изображение известно на полковых штандартах павловского и александровского времен, символизируя бесстрашное христолюбивое воинство²⁰⁰. В гербе 1800 г. впервые появилась и мантия (сень), увенчанная императорской короной.

Итак, в Большом (Полном) государственном гербе павловской эпохи отражены не только государственно-политические реалии, но и духовно-религиозные идеи охранения и защиты Веры. Мистическая натура императора

ярко проявилась и в появлении новых эмблем, и даже в самой композиции герба, но, как и в случае с «эсхатологическим» гербом Грозного, государственный герб павловского царствования просуществовал совсем недолго. Уже в апреле 1801 г. Александр I отказался от мальтийской символики (креста и короны) в государственном гербе²⁰¹, а манифест о Полном гербе Российской империи так и остался невостребованным.